

За пределами павильона царила чёрная, как бездонная бездна между звёздами, где даже луна не осмеливалась показаться, непроглядная ночь.

Вань Син, скрывая ауру, стремительно приблизился к маленькому строению. Как бы ни казались эти двое днём погружёнными в нежную привязанность, он был полон решимости лично убедиться, что за их улыбками и ласковыми жестами не скрывается иного замысла.

Свет всё ещё сочился из окон двухэтажного павильона. Вань Син бесшумно приземлился на крышу, будто тень, упавшая с небес.

Едва он собрался протянуть божественное сознание внутрь, как снизу донёлся приглушённый мужской голос:

— Синчжи.

Сразу же за этим последовал глухой удар и скрип постели.

Вань Син мгновенно насторожился.

— Сс... — раздался шипящий вдох.

— Тебе больно? — спросил второй голос, мягкий, но с ноткой вины.

— А кто в этом виноват? Зачем ты так внезапно...— Обиженно, прозвучал ответ.

В первом голосе появилась смесь беспомощности и ласкового упрёка:

— Я же предупреждал, что для того, что бы все прошло гладко, ты должен сотрудничать.

— ...

Вань Син замер на крыше, колеблясь: стоит ли всё-таки проникнуть сознанием внутрь?

После короткой паузы он всё же быстро скользнул божественным восприятием по комнате, но увидел лишь опущенные занавески над ложем и колеблющиеся в свете свечи тени, будто вода, колыхаемая ветром.

Цк. Даже с больным телом умудряются быть такими... страстными.

Молодёжь... Молодёжь! Он покачал головой, цокнул языком и, не желая становиться

свидетелем того, что не предназначено для чужих глаз, развернулся и исчез в ночи, оставив павильон наедине с его тайнами и трепетом.

\*\*\*

В это время, на втором этаже павильона, Цзян Синчжи прислонился к стене, придерживая затылок и тихо морщась от боли. Горячая рука всё ещё лежала на его голове, а Чжун Мин по-прежнему нависал над ним, не отступая.

— Чего ты так разволновался?

Сердце Цзян Синчжи всё ещё бешено колотилось, тело горело, будто в груди кипел котёл, и пар рвался наружу.

Он, должно быть, сошёл с ума, ведь только что ему почудилось, что его зовёт Сюй Цзянь.

Лицо Чжун Мина было так близко. Цзян Синчжи внимательно вгляделся в его черты, которые совершенно не походили на любимый профиль, так почему же возникло это странное ощущение?

Увидев, как тот замирает в задумчивости прямо под носом, Чжун Мин слегка нахмурился и снова окликнул:

— Цзян Синчжи.

Тот пришёл в себя, выпрямился и оттолкнул его:

— Человек ушёл. Быстро вставай.

Лёгкий толчок не сдвинул Чжун Мина с места. Тот продолжал массировать ему затылок. Сухая ладонь нежно растирала ушибленное место. Он вел себя как настоящий Даосский Спутник, заботящийся о своём партнере.

— Хватит тереть, — остановил его Цзян Синчжи.

— Что не так?

— Кажется, ты только что вырвал два моих волоска.

— ...

Рука наконец отстранилась, и Чжун Мин выпрямился. Цзян Синчжи тоже поднялся; воздух между ними вновь начал циркулировать, рассеивая жар, что скопился в комнате.

Чжун Мин стоял в стороне, взгляд его скользнул по двум торчащим прядям на голове Цзяна.

— Я всего лишь назвал тебя по имени, с чего такая реакция?

— А чего ты так вдруг...

— Вдруг что? «Синчжи»?

— Хватит.

Чжун Мин помолчал, затем неожиданно спросил:

— Разве никто раньше не звал тебя так? Тот, кого ты любишь... — горло его сжалось — Он никогда не называл тебя так? — с трудом совладав с эмоциями, небрежно спросил он.

Перед глазами Цзяна Синчжи вновь мелькнул образ Сюй Цзяня.

«Что со мной? Почему я вспомнил его именно в тот момент?»

Но если бы сейчас его прижал к постели не Чжун Мин, а Сюй Цзянь, если бы тот склонился над ним и прошептал его имя...

Чёрт! Сердце снова заколотилось. Цзян Синчжи отвёл взгляд, стараясь сохранить спокойствие:

— Он бы так меня не назвал.

Чжун Мин смотрел на него. В тусклом свете свечи бледное лицо Цзян Синчжи быстро покрылось румянцем, хотя тот, казалось, и не замечал этого. Одни лишь мысли о том человеке заставляли его брови и уголки глаз предавать чувства, будто весенний ветерок, что не может скрыть цветения слив.

Это был тот самый человек, о котором он думал более ста лет. Он бредил о нем, не мог даже обнять, потому что сердце того было занято другим.

Цзян Синчжи наконец отогнал хаотичные мысли и обернувшись, увидел что Чжун Мин замер, уставившись в стену пустым, непроницаемым взглядом.

— ...Что случилось?

— Ничего, — Чжун Мин отвёл глаза. — Просто не думал, что стану первым, кто назовёт тебя так.

— Вообще-то, ты не первый. — Вдруг вспомнил Цзян Синчжи.

Глаза Чжун Мина мгновенно впились в него:

— Кто ещё звал тебя так?

«Хочу знать, какой ещё пёс осмелился думать о тебе так же, как я...»

— Отец, мать, дяди, наставники...— начал перечислять Цзян Синчжи.

— Достаточно, — Чжун Мин поднял руку, прерывая его.

Цзян Синчжи ещё раз взглянул на Чжун Мина, пытаясь окончательно избавиться от того странного чувства.

— Но если ты действительно хочешь так меня звать, то ладно.

— Правда?

— Помечу нет, ты же как и они, заботишься обо мне.

В конце концов, человек из эпохи тысячу лет назад вполне мог считаться его старшим. Тем более, судя по его технике мечей, с высокой вероятностью, он был предком самого Сюй Цзяня.

— «Забочусь»? — Это слово прокатилось по языку Чжун Мина. Он внезапно коротко, холодно рассмеялся и развернулся, чтобы уйти.

— Куда собрался? — Удивившись такой реакции, окликнул его Цзян Синчжи.

— Разве мы не договорились сначала осмотреть переднюю гору? — Широкоплечий мужчина обернулся, и в уголках его губ мелькнула едва уловимая усмешка. — Непослушный сын, поторопись.

— ...

\*\*\*

На всякий случай, оставив в павильоне следы божественного сознания, они бесшумно скользнули сквозь ночную тьму секты Юйхуа, направляясь к Башне Фэнхэ и Павильону Библиотеки на передней горе.

Прохладный ветерок коснулся лица Цзяна Синчжи, окончательно очищая разум от остатков замешательства.— Ты иди в Башню Фэнхэ, я — в Павильон Библиотеки. Свяжись со мной, если что-то обнаружишь.

— Обязательно разделяться? — спросил Чжун Мин.

Цзян Синчжи укоризненно покачал головой:— Тебе пора учиться быть самостоятельным.

Чжун Мин бросил на него косой взгляд, чувствуя, как всегда, что этот человек не упускает случая поддеть его за живое.

— Ладно.

Две параллельные тени разделились, превратившись в стремительные всполохи света, и исчезли в темноте. Цзян Синчжи проник внутрь библиотеки через полуприоткрытое резное окно.

Взгляд его упал на аккуратные стеллажи с книгами. В это время в павильоне не было ни души; тома были безупречно расставлены, чётко разделены по категориям, будто каждый ждал своего читателя. Пока он осматривался, его божественное сознание вдруг дрогнуло. Он повернул голову, и увидел, как из-за стеллажей выглядывает пучок волос.

— Кто ты такой, что осмелился вторгнуться в Павильон Библиотеки?! — разрезал тишину тонкий, дрожащий голос.

Этот пучок волос вытянулся из щели между полками, увлекая за собой тяжёлую учётную книгу, которая с глухим стуком задела несколько томов и свалила их набок.

Теперь Цзян Синчжи разглядел, что это была кисть из волчьего волоса — её тело едва ли было больше тени, а за ней тащилась книга, где чётко фиксировались все выдачи и возвраты.

— Дух артефакта? — Заинтересованно спросил он.

Некоторые древние предметы, долгие годы питаемые духовной энергией, постепенно обретают сознание. Перед ним явно был редкий дух кисти. Однако физического тела он ещё не сформировал, а значит, его уровень пока ниже Сюань.

Цзян Синчжи смотрел на него с теплотой и ностальгией.

Маленькая кисть подплыла ближе:

— Ты всё ещё не сказал, кто ты! Осторожно, я пожалуюсь Главе Секты!

Цзян Синчжи мягко улыбнулся:

— Я твой предок.

Щетина на её кончике мгновенно встала дыбом:

— Ты меня оскорбляешь!?

— Какой ты впечатлительный, — успокоил он. — Я древний дух стеклянной лампы, небесного уровня, люди почитают меня как Божественную Лампу.

Кисть засомневалась:

— Ты тоже дух артефакта? И даже древнее меня?

Цзян Синчжи предпочёл доказать свой статус не словами, а делом. Он поднял руку, коснулся Лунной Жемчужины на шее и снял с неё завесу божественного сознания. В мгновение ока священная сила крови феникса хлынула вперёд, обрушившись на хрупкую кисть!

Бум! — древняя сила вырвалась, неумолимо подавляя все вокруг.

Кисть снова взъерошилась и визгливо завопила:

— Верю! Верю, Старейший Предок!

Цзян Синчжи спокойно убрал силу феникса, лицо его оставалось доброжелательным, будто ничего не произошло.

Древняя мощь явно потрясла новорождённый дух артефакта.

— Тогда... зачем Старейший Предок пожаловал? — Дрожа приблизился он.

Цзян Синчжи чуть улыбнулся:

— У меня есть к тебе несколько вопросов.

.....

Через четверть часа Цзян Синчжи отправил мысленное послание Чжун Мину:

— Бай Му, приходи сначала в Павильон Библиотеки.

Маленькая кисть уже уютно устроилась у него на плече, гордо глядя в ночь из резного окна. Сначала она боялась Старейшего Предка, но оказалось, что он невероятно добр! Он не только напитал её богатой духовной энергией, но и помог осознать родословную, дав имя: Цзян Ланхао.

Какое величественное имя! Как раз для неё! Авууу~!

Цзян Ланхао нежно потерся щетиной о плечо Цзян Синчжи. В самый разгар этой нежности перед ними внезапно возникла окутанная холодным ночным ветром, фигура незнакомца в тёмных одеждах. Кисть испуганно взвизгнула:

— Кто это?!

Чжун Мин нахмурился, глядя на волчью кисть, восседающую на плече Цзяна Синчжи:

— Что это за существо?

Цзян Синчжи успокоил взъерошенного Цзян Ланхао.

— Просто пополняю наши ряды. — Пояснил он.

— ... — Чжун Мин бросил на него долгий, глубокий взгляд.

Он оставил его всего на пол часа, и того уже появился новый «член».

— Ты что-нибудь нашёл? — спросил Цзян Синчжи.

— Не особо. Башня Фэнхэ — сокровищница Юйхуа, там хранятся магические артефакты и трактаты по техникам.

— В Павильоне Библиотеки тоже ничего нет. Главный Старейшина сюда никогда не заходил.

— Ты даже это знаешь?

Цзян Синчжи кивнул в сторону нового «пополнения» на плече.

Цзян Ланхао гордо выпрямил древко. Как коренной дух артефакта и управляющий Павильоном Библиотеки, он знал всё!

Мягкая щетина щекотала шею Цзяна, прижимаясь всё ближе.

Чжун Мин бросил на кисть ледяной взгляд.

«Раздражает. Хочется вырвать все эти волосины.»

— Пора возвращаться. Завтра расспросим тех юношей о запретной зоне. — Пытаясь не смотреть на кисть, обратился он к Цзяну Синчжи.

— Хорошо, — согласился тот и осторожно снял Цзян Ланхао с плеча. — Наша сегодняшняя встреча должна остаться между нами. Пусть это будет наш маленький секрет, между предком и потомком.

— Мм! — Радостно закивал Цзян Ланхао.

Но едва он увидел, как его Старейший Предок собирается уходить вместе с этим странным мужчиной, как тут же кокетливо задрожал щетиной:

— Старейший Предок~ а кто он? Он тоже дух артефакта?

Цзян Синчжи бросил взгляд на выражение лица Чжун Мина, но тот, похоже, совсем не горел желанием вновь играть роль «держателя лампы».

— Нет. Просто человек из этой эпохи.

Цзян Ланхао тут же возгордился:

— О~ значит, он ваш ученик! Я буду звать его младшим братом.

Цзян Синчжи: «...»

Взгляд Чжун Мина, устремлённый на кисть, стал таким ледяным, что даже дух артефакта почувствовал, как по спине пробежал холодок.

\*\*\*

Спасая бесстрашного новорождённого Цзян Ланхао от неминуемой гибели Цзян Синчжи потянув за собой Чжун Мина, устремился обратно в Павильон Тумана.

Над ними простиралось бездонное чёрное небо, где ни одна звезда не осмеливалась мигнуть, а внизу, у подножия гор, молчали врата секты Юйхуа, будто древний страж, забывший своё имя.

Пока они скользили над вершинами деревьев, Цзян Синчжи вдруг услышал тихий смешок Чжун Мина:

— Почему не сказал, что я держатель лампы?

— Думал, ты предпочитаешь быть человеком. — не оборачиваясь, ответил Цзян Синчжи.

Чжун Мин не отступил:

— А в секте Коуюэ и в Павильоне Цинфэн ты не хотел, чтобы я был человеком?

Щёки Цзяна Синчжи слегка порозовели в темноте.

— В ту пору этой лампе больше нужен был рекламный представитель.

Чжун Мин промолчал.

Они двигались стремительно, почти не касаясь воздуха, и всего за несколько обменов репликами уже приблизились к Павильону Тумана. Страж у входа спал, или притворялся спящим — в любом случае, он не пошевелился, когда два силуэта бесшумно скользнули внутрь.

Цзян Синчжи тихо задвинул резное окно, и в тот же миг обернулся — как раз вовремя, чтобы увидеть, как Чжун Мин, стоя к нему спиной, снимает тёмный верхний халат.

Плотная внутренняя одежда облегла его тело, чётко вычерчивая рельеф мышц, будто сталь под шёлком; в каждом изгибе чувствовалась сдержанная, взрывная сила — та, что не нуждается в демонстрации, потому что знает, что врагу достаточно одного взгляда, чтобы понять, что он уже мёртв.

Пока замороженный Цзян Синчжи смотрел, Чжун Мин вдруг обернулся. Их взгляды встретились.

— Дать тебе еще время попятиться? — После долгого молчания, спросил Чжун Мин, даже не

делая даже попытки прикрыться.

Цзян Синчжи отвёл глаза, будто обожжённый, и, свернувшись на постели, как котёнок, спрятавшийся от дождя, буркнул:

— Зачем решил переодеться?

— Завтра идём в запретную зону, — ответил Чжун Мин. — Нужно что-то удобное для движения.

— Какой ты практичный, — пробормотал Цзян Синчжи, поворачиваясь к нему спиной. Шелест ткани доносился у самого уха, будто шепот ночи. — Считаешь, мне тоже нужно переодеться?

— Не нужно.

— Почему?

Сзади послышались тихие, уверенные, как падение листа в безветренный день, шаги. Цзян Синчжи обернулся и увидел, что Чжун Мин уже надел длинный с узкими рукавами халат цвета тёмной сосны. За несколько шагов, он подошёл к постели и остановился над ним, будто гора, что решила присесть у реки.

— Тебе идёт этот наряд, — глядя сверху вниз, спокойно, будто просто констатируя факт, заметил Чжун Мин.

Цзян Синчжи замер:

Что?!

Но прежде чем он успел переспросить, Чжун Мин, уже сел у стола и закрыл глаза. — Ты спасть собираешься? — Услышал он тихий голос.

Цзяна Синчжи тут же забыл, что хотел спросить. — Уже сплю. — Уютно устроившись под одеялом, сонно ответил он.

Но, увидев, как тот садится за стол, готовясь к ночному созерцанию, он не удержался и с лёгким уколом вины спросил: — А ты?

— Буду медитировать, — ответил Чжун Мин, не глядя на него. — Или, может, ты хочешь лечь в ванну и уступить мне кровать?

— ... — Цзян Синчжи закрыл глаза, пряча улыбку в одеяле. — Спокойной ночи, Бай Му.

Сон охватил его мягко, как туман, окутывающий горы на рассвете, и длился до самого утра. Когда солнце взошло, его лучи, несмотря на плотно закрытые резные окна, всё же проникли внутрь и тонкими, золотыми полосами легли на пол.

Вдруг кому будет интересно >\_<

Цзян Ланхао (江郎) (Jiāng) — фамилия, означает «река» (часто ассоциируется с великой рекой Янцзы). В контексте — просто фамилия, но может нести оттенок «текучести», «глубины», «истока».

朗 (Lǎng) — «светлый», «ясный», «звонкий», «радостный»; часто используется в именах для обозначения чистоты духа, ясности ума или светлого неба.

毫 (Háo) — буквально «волосок», «щетина», «тончайшая частица»; в контексте кисти — это кончик кисти из волчьего или барсучьего волоса, самая ценная её часть. Также может означать «мельчайшую деталь» (как в выражении «без единого волоска ошибки»).

<http://bllate.org/book/15487/1373269>